

А. П. БАБУШКИН
З. Д. ПОПОВА

**Динамика социальных компонентов семантики слова
(на примере названий человека в современном русском языке)**

Выдающийся русский ученый-языковед Ф. Ф. Фортунатов писал: «Каждый язык принадлежит известному союзу, т. е. каждый язык принадлежит людям как членам того или иного общества. Те изменения, которые происходят в составе общества, сопровождаются и в языке соответствующими изменениями» [1, с. 24].

Известно, что порождаемые жизненной необходимостью понятия могут объективироваться в новых лексемах, а старые лексемы могут выходить из активного словарного состава в пассивный или вовсе «забываться» по мере дезактуализации понятий. Но имеет место и тот случай, когда динамике развития подчиняется лишь план содержания лексических единиц при относительной статике их плана выражения. Наблюдения над подобными явлениями и освещаются в настоящей статье. В качестве фактического материала для анализа мы избрали лексические единицы, обозначающие людей, и претерпевшие семантические сдвиги в связи с изменением социального строя России после Октябрьской революции.

Иллюстрируя мысль о том, что лексические значения представляют собой не абсолютные, а относительные категории, Р. А. Будагов приводит пример «относительности исторического характера» в динамике французского слова *фамилия*, уходящего корнями в древнюю латынь. Если в латинском языке «фамилия» понималась как «совокупность рабов, челядь, дворня», то во французском языке это значение оказалось впоследствии полностью утраченным. «Слова подобного рода, — пишет Р. А. Будагов, — детерминированы... уровнем развития общества и его культуры. Лишь в совершенно определенную эпоху «фамилия» могла представляться в виде «совокупности рабов» [2, с. 96—97], т. е. нынешнее слово *фамилия* наполняется другим содержанием, приобретает другой смысл, совершенно порывая со своим прежним значением.

Исследуя «судьбу» старых слов в языковом узусе советской России, И. Ф. Протченко отмечает, что 1) — старые слова стали обновляться, употребляясь в новых сочетаниях: красногвардейцы, красные витязи, солдат революции, красный богатырь; 2) — старые слова получили новые, ранее неизвестные им зна-

чения или оттенки значений: до революции слово *династия* употреблялось по отношению к монархам одного и того же рода, ср. в наши дни — династия рационализаторов, чабанская династия, династия педагогов, династия шахтеров, рабочая династия; сегодня мы говорим *знатный* не о человеке из аристократической среды, а о работнике, известном своей выдающейся деятельностью (знатная ткачиха); слово *вельможа* ныне используется в неодобрительном обозначении зазнавшегося, грубого и высокомерного человека и т. д. [3, с. 113—114]. Подобным изысканиям посвящены работы и многих других ученых-лингвистов.

Наконец, изменения в значении слова могут иметь место в результате того, что значения старых слов в новых условиях «обрастают дополнительными оттенками, приобретают своеобразные обертоны звучания» [2, с. 98].

Как следует из научной литературы, семантические изменения слова в диахронии могут быть обусловлены: 1) изменениями в сигнификате, 2) изменением отношения знака к другим знакам, 3) изменением прагматического отношения носителей языка к знаку.

Изменения в сигнификате мы определяем как произошедшую в коллективном сознании носителей языка трансформацию в мысленном образе денотата, названного словом. Под изменениями отношения знака к другим знакам имеются в виду перестройки в лексико-семантической парадигме слов. Наконец, говоря об изменениях в прагматическом аспекте, мы будем рассматривать миграцию компонентов в коннотативной части семемы — актуализацию новых семем, вызванную изменившимся отношением носителей языка к знаку.

Примеры, используемые в статье, почерпнуты из словарей, произведений русской и советской художественной литературы. В ходе работы мы использовали методы словарных дефиниций, контекстуального и компонентного анализа, перевода, а также учитывали результаты проведенного нами опроса информантов.

Изменения мысленного образа в названиях людей

В русском языке дореволюционной России словом *человек* (*люди*), наряду с общеупотребительным смыслом этих единиц, обозначались лица, стоявшие на низшей ступени иерархической лестницы классового общества, лица, находившиеся в социально-экономической зависимости от представителей имущих классов. Эту мысль в поэтической форме точно выразил С. Я. Маршак: «Для нас, *людей*, был черный ход, А ход парадный — для господ. Хоть нашу братию подчас людьми не признавали, Но почему-то нас *людьми*» и называли («Быль-небылица»).

Рассмотрим ряд примеров: «Не все бедствия кончались для Дмитрия Яковлевича аудиенцией у Алексея Абрамовича; он сидел, молчаливый и взволнованный, в классной комнате, когда

вошел *человек* и позвал его к чаю» (А. И. Герцен. Кто виноват?). — План содержания слова *человек* маркирован абсолютным обезличиванием слуги, лакея. «Тьфу ты, пропасть! — закричал он вдруг. — Что за дрянь! Калоши проколотые, испорченные... Чьи это калоши? Был здесь кто-нибудь? — Никак нет, — отвечал *человек*» (В. Соллогуб. История двух калош).

Словарь Даля, толкуя слово *человек* как «каждый из людей; высшее из земных созданий, одаренное разумом, свободной волей и словесной речью», отмечает в качестве отдельного значения: человек — слугитель, прислуга, лакей или комнатный. — «Эй, *человек*, подай трубку».

Необходимо указать и на «полярное» значение слова *люди*, вызванное к жизни той же исторической ситуацией: «С жадностью доставали детей азиатской породы, как дорогую собачку или лошадь... Калмыков этих приводили в веру крещеную, лелеяли, клали спать с собою в одной спальне и выводили в *люди*, т. е. в офицеры, или выдавали замуж за офицеров с богатым приданым, часто на счет и к невыгоде родных детей» (И. И. Лажечников. Ледяной дом).

Следовательно, там, где существовали антагонистические классы, там были «люди» — господа и «люди» — слуги, которых «подчас людьми не признавали».

В дореволюционной России бытовало еще одно понятие «люди» в словосочетаниях *пойти в люди*, *жить в людях*, где слово *люди* воспринималось как «чужие», чаще всего мастеровые, лица более или менее престижных профессий, в семьи которых отдавались подростки с целью приобретения специальности, но фактически становившиеся прислугой в доме «чужих» людей — эксплуататоров детского труда.

Коренным образом изменилась семантика слов *человек* и *люди* после свержения эксплуататорских классов в условиях России. План содержания лексических единиц *человек* (*люди*) не только лишен прежнего унижительного и пренебрежительного оттенка и вообще классовой семантики, но оказался наполненным новым социальным содержанием, к которому давно «привыкли» носители современного русского языка за годы существования Советской власти в нашей стране. На страницах газеты «Правда» сегодня читаем: «КПСС твердо взяла курс на ускорение социально-экономического развития... Это делается для *людей*, в целях исполнения программного лозунга партии: все во имя *человека*, для блага *человека*. В советском обществе нет и не может быть дела, чуждого интересам *людей*. Пренебрежение к *людям*, их запросам и потребностям, к условиям их труда и жизни нельзя оправдать никакими объективными причинами. «Отношение к *людям*, забота с них — главный вопрос нашей политики», — сказал М. С. Горбачев» («Правда», 27.09.85).

Эволюция социального подтекста слов *человек*, *люди* лежит

в основе и ряда других их специальных употреблений: 1) люди (в значении «другие») — как большинство, определяющее «эталон» в достижении и материального и морального благополучия: «Все, как у *людей*, «жить, как *люди*», «не так, как у *людей*». (Можно предположить, что раньше таким «образцом» служили люди, добившиеся определенного социального положения в обществе); 2) люди — участники производственной жизни общества, трудовые кадры: «*Люди* наших заводов и фабрик», «передовые *люди* предприятий», рабочие и колхозники. «Я ручаюсь, мы на верном пути, никогда еще *люди* не работали с таким упорством, как сейчас. Как же я могу не верить им! Какой же тогда я руководитель!» (М. И. Козловский. Своя земля); «Ты все-таки учти, ни один колхозник умным тебя не назовет, понял? А тебе жить с ними. Выговора и прочее — это наше, *людям* до них нет дела» (там же).

Аналогичный изложенному выше процесс выявляется и в значении слова *мальчик*.

В современный период лексема *мальчик* понимается как обозначение ребенка или подростка мужского пола, в то время как в старой России «мальчиком» мог называться господский слуга или малолетний работник в ремесленном или торговом заведении: «И в это время *мальчик* вошел и подал мне записку от И. И. Зурина. «...Любезный Петр Андреевич, пожалуйста, пришли мне с моим *мальчиком* сто рублей, которые ты мне вчера проиграл» (А. С. Пушкин. Капитанская дочка); «Я в людях, службу «*мальчиком*» при магазине «модной обуви», на главной улице города» (А. М. Горький. В людях); «Ну, ладно, — сказал Остап со вздохом, — соглашаюсь. Но со мной еще *мальчик*, ассистент» (И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев).

В общем узусе современного литературного языка семантика слова *мальчик* лишена таких значений. Однако в профессиональной речи научно-технических работников (преимущественно в мужских коллективах) старшие по должности и научному опыту люди называют «мальчиками» аспирантов, молодых исследователей: «На тему работают «мальчики» (то же и о «девочках», но уже в женских коллективах).

Развитие мыслительного образа денотата в значении слова может быть показано на семантической эволюции единиц общественно-политического словаря. Так В. И. Даль, например, определяет слово *вождь* (*водец, водица*) как «передовой, коновод, заводчик, зачинщик, уставщик, предводитель». Словарь Д. Н. Ушакова отмечает, что «вождь» — «предводитель войска (книжн. устар. и ритор.); руководитель общественного движения, партии; идейный руководитель».

Если в первой четверти XX в. слово *вождь* могло пониматься как «военачальник, предводитель»: «...Рабочими проделана и прodelывается важная работа — создание вождей пролетариата. Десятки и сотни тысяч отважных рабочих выделяются из

нашей среды и бросаются против белогвардейских генералов» (В. И. Ленин, ПСС, т. 39, с. 296—297), — то в это же время наиболее четко выкристаллизовывается значение слова *вождь* как «общепризнанный идейный, политический руководитель». В книге «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» В. И. Ленин говорит о «вождях» как об особом термине: «Всем известно, ...что политические партии в виде общего правила управляются более или менее устойчивыми группами наиболее авторитетных, влиятельных, опытных, выбираемых на самые ответственные, должности лиц, называемые вождями» (ПСС, т. 41, с. 26).

В. И. Ленин называет вождями «народных вожаков», партийных руководителей: «Мы должны твердо идти своей дорогой, охранять работоспособность своей партии, охранять ее вождей» (ПСС, т. 34, с. 93).

В дальнейшем наблюдается сужение мыслительного образа слова *вождь* и его конкретизация по денотату в результате обогащения социального смысла слова в коллективном сознании всего народа (при сохранении той же лексемы). БАС констатирует, что *вождь* — руководитель и учитель коммунистической партии и трудового народа, являющийся выразителем его воли, стремлений, желаний; общественный деятель, способный поднять на высокий уровень политическое сознание и активность масс и правильно определить пути борьбы рабочего класса за полную победу и обеспечение интересов всех трудящихся. Именно так в сознании носителей современного русского языка воспринимается слово *вождь*. Социальные компонентны семемы *вождь* — «народный», «близкий к людям», «ведущий к светлому будущему». См. примеры: 1) «...Это Владимир Ильич Ленин. Наш любимый, родной, наш *вождь*» (Н. К. Крупская. Владимир Ильич Ленин). 2) «Плеханов — наш учитель, наш барин, а Ленин — *вождь* и товарищ наш (А. М. Горький. В. И. Ленин).

Итак, как показывает вышеприведенный материал, изменения в мысленном образе денотата, названного словом, объясняются не только изменениями в социальных условиях бытования носителей русского языка, но и соответствующими трансформациями в их коллективном сознании.

Изменение значения слова, вызванное перестройкой лексико-семантической парадигматики

Начнем анализ обозначенного рубрикой семантического изменения с истории русского слова *большевик*. Это слово стало употребляться с 1903 г., когда на II съезде партии сторонники В. И. Ленина получили большинство голосов, а оппортунисты остались в меньшинстве (отсюда термин — «меньшевики»).

Сначала слово *большевик* актуализировалось в значении «член пролетарской партии нового типа», «соратник Ленина»,

«стойкий борец с самодержавием»: «Несут отряды и полки Плотна кумача, и впереди — большевики. Гвардейцы Ильича (С. Михалков. В музее В. И. Ленина). Затем «большевик» — «коммунист», «создатель первого в мире социалистического государства», «борец с врагами социализма»: «Не из такого мы — *большевики* — теста, чтобы из нас кто-нибудь мог фигуры делать!.. На коленях *большевики* ни перед кем не стояли и никогда стоять не будут, факт» (М. Шолохов. Поднятая целина). Наконец, большевик — «борец-антифашист»: «Да мы, *большевики*, привыкли к смерти. Нас, *большевиков*, какой враг не убивал! Убивали нас царские палачи и жандармы, убивали юнкера в Октябре, убивали беляки, интервенты всех стран света, махновцы и антоновцы, кулаки по нас стреляли из обрезов, а мы все живы любовью народной. Нехай убьют и нас с тобой немцы-фашисты, а все ж таки им, а не нам лежать в земле (А. Фадеев. Молодая гвардия).

Таким образом, «большевизм» — это целая эпоха, но «эпоха», укладывающаяся в рамки одной человеческой жизни. Вместе с развитием советского общества, его этапами новыми социальными компонентами наполнялась и семантика слова *большевик*, которое употреблялось параллельно с лексемой *коммунист*.

Официально коммунистов Советского Союза называли членами ВКП(б) до XIX съезда партии (1952 г.). Дав историческое объяснение двойного наименования партии — «коммунистическая» — «большевистская», — съезд постановил: «Поскольку... меньшевистская партия в СССР давно уже сошла со сцены, двойное наименование партии потеряло смысл, тем более, что понятие «коммунистическая» выражает наиболее точно марксистское содержание задач партии» (КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, т. 6. М., 1971, с. 366). С 1952 г. советские коммунисты именуется членами КПСС.

Факт утраты прежнего знака и оппозиции «большевики» — «меньшевики» по причине ухода «меньшевиков» с исторической сцены и введение нового, с одной стороны, объясняет последующую «историзацию» термина *большевик* (употребляемое сегодня словосочетание *старый большевик* называет коммуниста с большим партийным стажем), а с другой, в семантике современного слова *коммунист* содержится идея преемственности с планом содержания прежнего знака «большевик», которая вербализуется в таких словосочетаниях, как *большевистская страстность*, убежденность, деловитость, выдержка. В этих словосочетаниях «большевистская» понимается сегодня как «коммунистическая», свойственная человеку современного периода.

Отношение семантической дивергенции можно пронаблюдать в ходе эволюции значения слова *крестьянин*. Эта лексема имеет значение «тот, кто занят обработкой земли, земледelec».

С утверждением коммунистических отношений в деревне до периода коллективизации (особенно четко — к этапу ее активного развертывания) под общее понятие «крестьянин» можно было подвести три категории крестьян, обозначенных словами «бедняк», «середняк» и «кулак».

По БАС *бедняк* — «до осуществления сплошной коллективизации — крестьянин, принадлежащий к деревенской бедноте как социальной группе, к числу маломощных хозяев-крестьян, в отличие от кулака и середняка»: «До семнадцатого года жил в деревне батраком, с восемнадцатого года стал считаться бедняком» (М. Исаковский. Биография колхозника), т. е. представителем многочисленной группы сельских пролетариев, противопоставленной прежде всего сельской буржуазии — деревенским богатеям.

В результате опроса информантов, проведенного по методике свободных ассоциаций (в качестве информантов выступали студенты I—IV курсов естественных факультетов университета) были выявлены следующие социальные коннотации слова *бедняк* — прогрессивный, последовательный, надежный, опора колхозного движения, труженик. Интересно отметить, что при переводе на английский язык, носители которого жили и живут в иных социально-экономических условиях, нежели носители русского языка, слово *бедняк* передается словосочетанием *poor peasant* — бедный крестьянин, но коннотативная часть семемы *бедняк* остается при этом за рамками выражения.

Середняк по БАС — «крестьянин-единоличник, владеющий небольшим земельным участком и обрабатывающий его своим личным трудом, по своему имущественному положению стоящий между бедняком и кулаком». Социальные компоненты коннотативной части семемы, выявленные в результате опроса информантов — средний уровень социальной зажиточности, колеблющийся, ненадежный труженик, при умелой агитации вступает в колхоз.

На английский язык лексема *середняк* передается как *middle peasant* — (букв.) «средний крестьянин». В английском языке отсутствует семема «средний уровень социальной зажиточности».

Кулак по БАС — «богатый крестьянин, эксплуатирующий батраков». В. И. Ленин подчеркивал, что это — «последний... из эксплуататорских классов». «Богатеи», «спекулянты хлебом», «ростовщики», «кровопийцы», «пауки», «пиявки», «вампиры», «грабители народа» — такими эпитетами заклеил кулаков В. И. Ленин (ПСС, т. 37, с. 38—42).

Опрос информантов показал наличие в сознании носителей русского языка следующих словесных ассоциаций, связанных со словом *кулак*: живущий в сытости, классовый враг, враждебно настроенный, жадный, толстый, добротню одетый, вредитель. Социальная значимость слова *кулак* при его передаче средства-

ми английского языка становится более понятной для людей, говорящих по-английски, если переводчик вербально реализует социальный компонент коннотативной части семемы — «the well-off kulak» (букв.) «богатый, зажиточный кулак».

После полной победы социализма в деревне в словарь русского языка вошло слово *колхозник*, и слово крестьянин вступило в соотношение уже с этим знаком — изменилась лексико-семантическая парадигма слова *крестьянин*. Для людей, говорящих по-русски, слово *крестьяне* в двух последующих примерах понимается по-разному: 1) эти крестьяне жили богато, недаром их раскулачили; 2) эти крестьяне жили богато, недаром их колхоз — миллионер. В первом случае крестьяне — это «кулаки» (из старой парадигмы), во втором — «колхозники» (новая парадигма).

В интересующем нас плане рассмотрим еще две лексемы — *мужик* и *баба*.

Сопоставим значения этих слов, выбранных по Словарю Даля и по БАС, для контрастивного анализа их «социолингвистических» характеристик:

Баба (Даль) — замужняя женщина нижних сословий, особенно после первых лет, когда она была молодкою, молодицею, или вдова. *Баба* (БАС) — 1. В просторечии, замужняя женщина (особенно о крестьянке) (устар.). 2. (В просторечии) жена. 3. (В просторечии) о женщине вообще.

Мужик (Даль) — муж, мужчина простолюдин, человек низшего сословия, поселянин, пахарь, земледелец, хлебопашец.

Мужик (БАС) — 1. Крестьянин (преим.— в дорев. России). 2. (В просторечии) о необразованном, невоспитанном, грубом человеке. 3. (В просторечии) мужчина, муж, супруг.

Выборки из словарей двух исторических эпох фиксируют исчезновение социально-сословных подтекстов в семантике данных слов. Если раньше *мужик* звучало антонимично словам *барин*, *барыня*, то сегодня эта лексема не ассоциируется с данными словами. Произошла перестройка парадигмы *мужик*, *баба* — *барин*, *барыня*, в результате этой перестройки лексемы *мужик*, *баба* стали развиваться самостоятельно.

Слова *мужик* и *баба* сегодня потеряли свою «деревенскую» прописку: «Экскаваторщик закончил смену, вытирал ветошью руки, улыбался, сверкая зубами.— Спичек нет? — спросил Федор.— Балуешься? — засмеялся *мужик*.— Смотри, мамка выпрет!» — (А. Лиханов. Солнечное затмение). «Еще до войны видела Настена в кино (ей и всего-то три раза довелось посмотреть это чудо), как городская *баба*, не зная, чем угодить *мужик*у, которого она без ума любила, кормила его, как маленького, из рук (В. Распутин. Живи и помни).

Лексема *мужики* бытует в обращении между молодыми людьми — жителями городов: «Мужики! — гаркнул Юрка Карпильский.— Ноги в руки! Рысью из вагона, опоздаем! Пашка и

Тимофей, схватив рюкзак и портфель, первыми выскочили из купе. За ними сыпанули все остальные» (В. Осипов. Факультет журналистики).

С другой стороны, самостоятельно и отдельно от лексем *мужик* и *баба* стали развиваться их бывшие антонимы *барин* и *барыня*. Сегодня эти слова употребляются чаще всего в переносном смысле. Напр., *барыня* — «женщина, ведущая праздный, нетрудовой образ жизни» (БАС). Поэтому комический эффект вызывает трактовка этого слова в Русско-английском словаре общественно-политических терминов (a Russian English Dictionary of Social Science Terms), выпущенном в Лондоне в 1962 г. и претендующем на синхронную в языковом плане подачу материала: *барыня* — «wife of a gentleman» (жена джентльмена).

Итак, нами выявлено несколько вариаций изменения лексико-семантической парадигмы слов: 1) утрата отдельных членов старой парадигмы и ее редукция; 2) возникновение новых членов, расширяющих парадигму; 3) разрыв парадигматических связей и автономное развитие частей бывшей единой парадигмы.

Изменение прагматического отношения носителей языка к знаку

Данный аспект предполагает случай, когда в течение времени не изменяется денотативная часть значения слова, а трансформации подвергаются лишь компоненты его коннотативной части.

Опрос информантов показал трансформацию коннотативного рисунка слова *беляк* («белогвардеец»). Если денотативно данным словом обозначается контрреволюционер, враг Советской власти, сражавшийся против нее в составе вооруженных сил контрреволюции, т. е. фактически каждый человек, примыкавший к белой гвардии (как офицерский, так и рядовой состав), то сегодня под словом *беляк*, *белогвардеец* носители русского языка понимают только лиц офицерского звания. «Беляк» — значит офицер, враг, чуждый, жестокий, беспощадный, т. е. в языковом сознании носителей современного русского языка этот знак закрепился для обозначения лишь привилегированных лиц, сознательно примкнувших к белому движению, представителей эксплуататорского класса.

Итак, анализ приведенного выше лексического материала позволяет прийти к следующему выводу — план содержания лексических единиц, называющих людей, оказывается социолингвистически сориентированным. Сопоставляя значения таких слов в аспекте их «старых» и «новых» значений, можно выявить трансформацию социального мышления носителей русского языка в разные исторические эпохи.

Подобренные нами примеры позволяют также уточнить и проиллюстрировать способы изменения семантики слов в диахронии.

Список использованной литературы

1. Фортунатов Ф. Ф. Сравнительное языковедение. Общий курс// Избранные труды. — М.: Учпедгиз, 1956. — Т. 1. — 449 с.
2. Будагов Р. А. Язык, история и современность. — М.: Изд-во Московск. ун-та, 1971. — 229 с.
3. Протченко И. Ф. Русский язык: Проблемы изучения и развития. — М.: Педагогика, 1984. — 222 с.